

«Трижды изломан путь до Багрового склона,

Меж драконьих холмов протянулось девять витков.

В жгучий мороз озябло одинокое тело,

Пронзают кости порывы ветров».*

*Отрывок из стихотворения Шэнь Юэ – китайского политического деятеля, учёного, буддистского идеолога, историка, писателя и поэта времён империй Южная Ци и Лян. Перевод вольный.

Повторный визит в Чанъань прошёл в совершенно ином расположении духа.

Шэнь Цяо вошёл в город один. Несмотря на меч в руке и даосское одеяние, нездоровый вид, плохие глаза и медленный шаг совсем не делали его похожим на мастера боевых искусств, слоняющегося по цзянху. Скорее, он напоминал бродячего даоса, который взял в руки оружие из страха перед хаосом этого мира. От него не исходило даже малейшей угрозы.

Город был усеян толпами высокопоставленных сановников и вельмож, как и в прошлый раз, когда он бывал здесь. Только теперь всё выглядело немного оживлённее.

Путём тщательных расспросов он узнал, что многие из этих людей готовились отправиться в столицу Тогона, чтобы принять участие в Ярмарке Паньлун на праздник Двойной Девятки. Всё благодаря неизвестному смутьяну, который распространил весть о том, что том Стратегия Багрового Яна будет на выставке в этом году. Ходили слухи, что там же появится и меч Тай-э, когда-то похороненный вместе с Цинь Шихуаном и впоследствии откопанный баваном Западного Чу.

Как всем известно, три тома Стратегия Багрового Яна принадлежали Северной Чжоу, секте Тяньтай и горе Сюаньду соответственно. И несмотря на то, что у сокровищ уже были хозяева, количество желающих заполучить их не уменьшалось. Однако факт, что до сих пор не нашлось никого, кто смог бы украсть книги из трёх названных мест и присвоить их себе, показывал, насколько это сложная задача. Ни один обыденный боец не способен на такое. Что же касается тома, хранящегося в секте Тяньтай, то не говоря уже о простых людях, даже такие великие мастера, как Янь Уши и Жуянь Кэхуэй, не смогут уйти невредимыми, если сунутся туда.

Оставшиеся два тома были разбросаны по окрестностям, и долгое время о их местонахождении ничего не знали. Один из них попал в руки Объединения Люхэ, и первоначально его собирались перевезти на юг под охраной вооружённого конвоя, но усилиями Янь Уши всё сорвалось на полпути. Книга была уничтожена и отныне не существует в этом мире.

Таким образом, если Стратегия Багрового Яна и правда появится на Ярмарке Паньлун, то это

будет единственный оставшийся бесхозный том. Получить его, само собой, не так сложно, как пробраться в секту Тяньтай или на гору Сюаньду, либо отправиться во внутренний дворец династии Чжоу, чтобы бросить вызов признанным мастерам. Какой человек из цзянху мог не позариться на него?

Богатство движет сердцами людей, но для человека цзянху соблазн несметных драгоценностей не идёт ни в какое сравнение с непревзойдённым мастерством. В те времена, когда Ци Фэнгэ считался самым могущественным мастером боевых искусств в Поднебесной, все от мала до велика смотрели на него с благоговением и затаённым дыханием. Разве не таким должен быть благородный муж при рождении?

Что же касается Тай-э, то когда-то он был достоянием царства Чу, а затем принадлежал императору Цинь и всегда считался монаршим мечом. И хотя это оружие легендарно, оно имеет скорее символическое, чем практическое значение. Слухи гласят, что тот, кто завладеет этим мечом, покорит весь мир, и в этом он похож на знаменитую большую императорскую печать. Поэтому и Южный Чэнь, и Северная Чжоу обратили большое внимание на Ярмарку Паньлун и даже послали немало своих людей, чтобы подтвердить новости.

Какой бы ни была их цель, одно можно было сказать наверняка: Шэнь Цяо в этом путешествии точно не будет одинок.

Все постоянные дворы в центре были переполнены, поэтому Шэнь Цяо рассчитывал продолжить свой путь в пригород, чтобы остановиться на ночь там.

Кто же знал, что и здесь соберутся отважные мужи со всех концов света? Не только представители крупных, но и даже менее именитых сект собрались в полном составе: одни — чтобы посмотреть на ажиотаж и расширить кругозор, другие — чтобы воспользоваться возможностью половить рыбку в мутной воде. Словом, к вечеру и в небольших посёлках за пределами Чанъани уже было многолюдно.

Он без конца искал постоянные дворы, и в каждом из них ему говорили, что даже помещения для дров заполнены до отказа. Внутри него росло чувство беспомощности. Состояние его глаз было неважным. При свете дня он мог слабо различать окружение, но после наступления темноты почти ничего не видел, поэтому ночевать под открытым небом было бы крайне неудобно. Какая ирония: долгий путь от Тайшани прошёл так гладко, а в таком большом городе, как Чанъань, он столкнулся с трудностями.

— Даочжан, у нас очень много народу, даже дровяник занят. Мы правда никак не можем выделить для вас место! – работник гостиницы неловко потирал руки, горько улыбаясь ему.

Шэнь Цяо уже собирался спросить ещё раз, когда услышал нежный голос, донёсшийся со стороны:

— Эта женщина сняла одну из верхних комнат. Она довольно просторная, так что, если мастер не гнушается, он может разделить со мной постель.

Постоялый двор был битком забит деревенскими жителями. Те, кто находился достаточно близко, чтобы поднять голову и увидеть настоящую красавицу, строящую глазки болезненному даосу, сразу же потеряли равновесие.

— Если девице одиноко, ей стоит найти себе мужчину покрепче. Этот даос выглядит так, будто его может сдуть порывом ветра, – пошутил кто-то в толпе. – Разве он сможет совладать с тобой?

За этими словами последовал ряд смешков.

Красавица обворожительно улыбнулась.

— Но мне нравятся такие красивые мастера, как он, а не вонючие мужланы с грязными мыслями!

Как только слова покинули её уста, мужчина, бросивший фривольную фразу, поражённо воскликнул. Он ощупал свой висок, волосы на котором в один момент почти полностью пропали, и утратил дар речи.

— У меня очень хорошее настроение из-за встречи со старым другом, поэтому я не желаю проливать кровь, – засмеялась она. – Ведите себя хорошо, иначе вам крупно не повезёт, если мой друг не захочет мне отвечать.

Пока они разговаривали, Шэнь Цяо, не оборачиваясь, покинул постоялый двор.

— Кто ты, черт возьми, такая?! – с напускной смелостью огрызнулся только что потерявший половину своих волос человек.

Но красавица сочла ниже своего достоинства продолжать возиться с ними. Она удалилась, оставив на месте, где когда-то стояла, лишь благоухающий аромат.

— Эту женщину называют Маленьким Пионом. Ну не прекрасное ли имечко?

Едва шум от её слов утих, как люди в ужасе переглянулись.

— Бай Жун из Хэхуань?! Почему эта демоница здесь?!

Бай Жун вышла из постоялого двора. Увидев, что фигура мужчины перед ней уже стала лишь смутным очертанием вдаль, она стиснула зубы и использовала свой цингун, чтобы догнать его.

— Шэнь Цяо, а ну стой! – закричала девушка.

Похоже, он услышал её, и фигура наконец остановилась.

С тихим вздохом Шэнь Цяо повернулся.

— Позволь узнать: чем могу быть обязан?

Выросшая в секте Хэхуань, Бай Жун видела самые злые человеческие сердца и самые мерзкие лица. Она думала, что уже давным-давно научилась жестокосердию, и ничто не способно её задеть. Однако в этот момент, когда она увидела, как отчаянно и неохотно выглядит Шэнь Цяо, её внезапно захлестнуло сильное чувство обиды.

— Мастер Шэнь так быстро стал бессердечным — нет слов! Если бы я не тянула время в тот день, когда мы по приказу учителя отправились в храм Белого Дракона на твои поиски, как бы ты мог стоять здесь живым? А теперь твоя так называемая благодарность за доброту — это вот такое отношение?!

Она не смогла удержаться от лёгкой усмешки, когда в ответ Шэнь Цяо промолчал.

— Неужели мастер Шэнь повесил на меня вину за смерть тех двух даосов? В тот момент старейшина моей секты стоял неподалёку, а Сяо Сэ выжидал, чтобы поймать меня на ошибке. Ты хотел, чтобы я подвергла себя риску ради двух незнакомцев?

Шэнь Цяо покачал головой.

— Это правда — я хотел бы поблагодарить тебя за тот день, но правда и то, что Чжу Ленцюань и Чуй И мертвы. Это злодеяние секты Хэхуань, и рано или поздно я за него поквитаюсь. Многие вещи необратимы, поэтому бессмысленно заикливаться на том, кто прав, а кто виноват.

Бай Жун прикусила нижнюю губу и на мгновение замолчала.

— Говорят, что ты окончательно распрощался со своей силой и хотел умереть вместе с моим учителем, но в результате был тяжело ранен и чуть не погиб. Тебе... тебе сейчас лучше?

— Лучше. Спасибо за заботу.

— Учитель тоже серьёзно пострадал. Он беспокоился, что Юань Сюсю воспользуется возможностью и добьёт его, поэтому нашёл тайное место, чтобы тренироваться в одиночестве. Никто не знает, где его искать.

— Даже ты?

— С чего бы мне знать? - Бай Жун жалобно улыбнулась. - Неужели ты думаешь, что он мне доверяет?

Хотя Шэнь Цяо понимал, что своим печальным видом она почти наверняка пытается разжалобить его, он не мог сделать резкого замечания.

Бай Жун ласково сказала:

— Я знаю, что ты хочешь разыскать учителя и отомстить ему, но я на самом деле не знаю, где он. Даже если бы знала, то не смогла бы наблюдать, как ты идёшь на верную смерть. Ты всё ещё не сравним с учителем.

— Спасибо, что сообщила, - кивнул он, - но я не собирался искать его в ближайшее время.

— Тогда кого ты ищешь? Ты собираешься на Ярмарку Паньлун в столице Тогона? Хочешь спасти Янь Уши? - она всегда была необычайно умна и быстро догадалась о цели прихода Шэнь Цяо.

Не дождавшись от мужчины ответа, Бай Жун вздохнула.

— Шэнь Цяо, ты хоть понимаешь, что делаешь? Конечно, мастерство Янь Уши в боевых искусствах не имеет себе равных, но даже бессмертный не сможет выжить под осадой пяти великих мастеров мира. К тому же, как ты можешь игнорировать прошлое, когда он так с тобой обошёлся? Даже котята и щенки будут снова и снова вспоминать человека, который причинил им боль, и никогда больше не осмелятся подойти к нему. Ты правда так сильно любишь его?

Шэнь Цяо нахмурился.

— Почему я непременно должен любить его, чтобы спасти?

— Если не любишь, то с какой стати рискуешь своей жизнью? Неважно, сколько у тебя сейчас сил, победить пятерых в одиночку невозможно. Ни ты, ни Янь Уши, ни мой учитель, ни даже восставший из могилы Ци Фэнгэ не смогут этого сделать! Ярмарка Паньлун состоится девятого числа, а осада — восьмого. Сегодня уже пятое, и хоть рвись туда прямо сейчас, будет уже поздно!

Когда она увидела, что Шэнь Цяо безмолвствует, на её неизменно улыбчивом лице появились редкие признаки гнева.

— Как ты не понимаешь?! Я не хочу видеть твою смерть!

Бай Жун питала к нему нежные чувства. Шэнь Цяо не был чурбаном, он понимал это.

Как человек эгоистичный, Бай Жун никогда бы не пожертвовала своей жизнью и не оставила бы своего учителя из-за симпатии к Шэнь Цяо. Ради него она даже не ослушалась бы приказа. Она была готова немного упростить его жизнь, если это не составляло большого труда и было возможно без ущерба для её собственных интересов, что случилось с ней крайне редко.

Но она совсем не понимала Шэнь Цяо, а у Шэнь Цяо не было желания объясняться. Он не хотел, чтобы Бай Жун поняла его превратно, и для неё же будет лучше, если он с самого начала обозначит между ними чёткую грань.

— Благодарю тебя за совет, но мне всё же пора идти, - он пристально посмотрел на неё. - Для посторонних секта Хэхуань — опасное место, в котором людей поедают, не выплёвывая костей, но ты, кажется, наслаждаешься этим, как рыба в воде.

— Иначе говоря, даже ты презираешь таких демониц, как я.

— Ты неправильно поняла, - покачал он головой. - Я имел в виду, что знаю, что тебя не устроит роль обычной ученицы секты Хэхуань. У меня нет права просить тебя об этом, но я надеюсь, что ты позаботишься о себе и не станешь такой, как Хо Сицзин или Сан Цзинсин. Ты отличаешься от них.

«Ты отличаешься от них». Бай Жун вдруг почувствовала неприятное жжение в глазах, но, как и прежде, не выдала себя ни звуком, ни видом.

— Тогда ты можешь остаться рядом и присматривать за мной, - кокетливо улыбнулась она. - Так ты будешь вдохновлять меня не становиться такой, как они!

— Мне жаль, - это было всё, что он сказал, прежде чем развернуться и уйти.

Бай Жун притопнула ногой.

— Шэнь Цяо!

Однако, воспользовавшись «Радужной Тенью», мужчина взмыл в небо, как птица, не подымая за собой ни пылинки. В мгновение ока он оказался на несколько чжанов впереди. Его халат развеялся, рукава колыхались на ветру, а сам он отдалялся всё дальше и дальше, так ни разу и не оглянувшись.

***

Восьмой день девятого месяца. В городе Фусы, столице Тогона.

Западный край — это земля частых песчаных бурь, где почти не бывает дождей. В этом году,

впрочем, наблюдалось нечто странное. После наступления осени дождь лил несколько дней, и пыльные здания столицы, казалось, засияли новыми красками.

Под влиянием культуры Центральных равнин знать и аристократия Тогона говорили и писали на ханьских иероглифах, вплоть до того, что даже одежда в ханьском стиле стала широко распространённой. Вдобавок, с приближением Ярмарки Паньлун в городе появилось так много людей с Центральных равнин, что первое впечатление от него было сродни возвращению в Чанъань.

За пределами города есть павильон для укрытия от дождя, называемый павильоном Инь-Ян, который был построен в неизвестный год и месяц. Название произошло от его расположения: он находился между горой слева и водоёмом справа — можно сказать, разделяя Инь и Ян.

Павильон был построен в стиле Центральных равнин, лишь с малейшим намёком на экзотику в изящных углах летящих карнизов. В силу возраста иероглифы «Павильон Инь-Ян» серьёзно облупились, обнажив первоначальный деревянный блеск под черным пигментом.

Янь Уши стоял в павильоне, сцепив руки за спиной. Никто не знал, как долго он там находился.

Его взгляд прикован к окружающей местности, а поза так расслаблена, словно он пришёл подождать кого-то или полюбоваться дождём.

Вдали, среди мокрой травы и деревьев, показался человек.

На нем была чёрная ряса, а на голове — ни волоска. Лицо невероятно красивое, но в уголках глаз уже смутно виднелся иней. Он приближался неторопливо, с зонтиком в руке.

— Амиабха. Как поживаешь с нашей последней встречи, глава секты Янь?

Звучало так, словно он вёл бытовую беседу, но его голос доносился так отчётливо, что разделяющее их расстояние ничуть не заглушало его.

Янь Уши ответил равнодушно:

— Твои волосы не отросли и наполовину с тех пор, как мы расстались в Заоблачном Монастыре. Будни, видно, измотали тебя. До чего же унылая жизнь, а? Участь обычного монаха так тяготит тебя?

Услышав едкую издевку в его словах, монах Сюэтин слабо и горько улыбнулся.

— Глава Янь по-прежнему безжалостен в своих словах!

— Встречу мне назначил Дуань Вэньян. А ты зачем явился? Уж не пал ли бывший почтенный государственный наставник Чжоу так низко, что вступил в сговор с народом Тузцуэ?

— Возвращение главы Янь в цзянху вызвало бурю кровопролития и беспорядков в мире. По мнению этого бедного монаха, тебе следует найти место, где ты сможешь сконцентрироваться на постижении боевых искусств, дабы не сотворить ещё больше бед своими руками.

Янь Уши разразился громким смехом.

— Я всегда ненавидел тебя, плешивый осел, ты так полон своих буддийских доктрин! Но сегодня ты поступил умно, не стал нести эту чушь и сразу перешёл к делу. Хорошо!

Брови монаха Сюэтина опустились, а глаза сосредоточенно прищурились.

— Будда наделён силой побуждать людей к благим поступкам, раскаянию и честности. Однако для тех, кто не изменит своего пути, у него также есть неодолимая сила молнии ваджры. Что толку говорить таким людям, как глава Янь, о буддийских доктринах? Остаётся только усмирить тебя силой, остановить убийства убийством.

— Позволь мне угадать причину, по которой вы с Дуань Вэньяном сговорились осадить и убить меня. Когда Юйвэнь Юн отказался вновь предоставить буддийским сектам руководящее положение, ты отправил своих людей внедриться к Тузцуэ с целью день за днём склонять хана Таспар к буддизму. Но народ Тузцуэ по своей природе подобен волкам и тиграм, и влияние буддизма в конечном итоге было ограничено. У тебя не осталось другого выбора, кроме как снова обратить своё внимание на Северную Чжоу.

Юйвэнь Юн относится к буддистам с большим подозрением. Даже если тебе удастся уничтожить Хуаньюэ, он всё равно не станет назначать буддийские секты на высокие посты. А потому лучший способ — убить сначала меня, затем Юйвэнь Юна, а на престол посадить наследника Юйвэнь Юня. В отличие от своего отца, Юйвэнь Юнь питает глубокую привязанность к буддистам — твой многолетний лоббизм не прошёл даром. Как только он придёт к власти, буддизм в Северной Чжоу восстановит свою былую славу.

Сюэтин громко воспел имя Будды.

— Чрезмерное усердие Юйвэнь Юна в убийствах и уничтожении человеческих и материальных ресурсов — это не действия просвещённого правителя. Объявленная им война Ци — гораздо более тяжёлое бремя для разума и тела каждого гражданина, и это лишь вопрос времени, когда оно одолеет их.

— По твоим словам, наследник престола Юйвэнь — истинный просвещённый правитель? — Янь Уши был заинтригован.

Монах Сюэтин ограничился ответом:

— Наследник имеет глубокие буддийские корни и пронизательный буддийский ум. У него хорошая связь с Буддой.

Губы Янь Уши медленно растянулись в усмешке.

— Как же нелегко тебе должна даваться такая откровенная ложь сквозь зубы, учитывая, каков Юйвэнь Юнь. Хочешь убить меня? Так давай! Где Дуань Вэньян? Пусть покажется!

Вслед за его словами в воздухе раздался чистый и яркий смех.

— Глава секты Янь так надменен. Тебе не приходило в голову, что сегодняшний день может стать датой твоей смерти?

<http://bllate.org/book/14532/1287350>